

ПРОИСХОЖДЕНИЕ УДАЧИ

И ВОТ она входит в вестибюль здания редакции.

Я жду ее и сквозь широкое окно вестибюля вижу ее еще издали, когда она быстрой, решительной походкой идет к входу. Она открывает тяжелую дверь энергичным движением руки. Все, кто находятся в ту минуту в вестибюле, узнают ее сразу, с первого взгляда; смотрю на нее и я. И с радостью вижу, что она по-прежнему удивительно красива.

Классический строгий профиль, высокий лоб, размах густых соболиных бровей... Стянутые узлом седые волосы убраны под пушистый берет. Темные глаза жгуче блестят на фарфорово-светлом лице...

В лифте, пока мы поднимаемся, молодой сотрудник редакции с интересом вглядывается в гостью; она здоровается с ним, приветливо наклонив голову. Растерявшись, он отвечает не сразу. По молодости лет он не понял, что она, как многие люди ее поколения, считает естественным здороваться с сотрудниками учреждения, в которое пришла, даже если не была лично с ними знакома. Чуть улыбнувшись, она выходит, и мы идем по длинному редакционному коридору.

Я шагаю с ней рядом, а перед моими глазами неотступно стоит недавний вечер, переполненный зал Малого театра и она, усталая, сияющая от счастья, какой была в конце спектакля, когда в зале гремела буря аплодисментов. Она вновь и вновь выходила на сцену, благодарно кланяясь, а зрители все не отпускали ее, все аплодировали, поднимались с мест, бросая на сцену цветы...

В тот вечер шла пьеса Жана Сармана «Мамуре», в которой она, — народная артистка СССР Елена Николаевна Гоголева, — играет главную героиню, «самую древнюю французенку», женщину 106 лет. Играет с блеском, с пленительным озорством, с такой искренней увлеченностью, словно все для нее на сцене впервые, словно не высятся за ее плечами многие годы прожитой в театре судьбы...

Всю жизнь ей были близки драматические или даже трагические роли, которые так естественно сочетались с ее внешностью, с ее низким глубоким голосом, значительностью осанки, величественностью поступи. И вдруг она бесстрашно решилась проникнуть в характер, казалось бы, полностью ей чуждый, работать над ролью, для которой надо найти не только иные, не свойственные ей ранее краски, но и иной ключ к самой себе, к возможностям своего собственного опыта и таланта.

Одна из основных особенностей этой роли — возраст Маму-

ре, и автор пьесы с лукавой предусмотрительностью сразу, в перечислении действующих лиц, ошеломляет зрителей сообщением, что главной героине не более и не менее как 106 лет. В первом же пласте роли таится искушение сыграть особенности самого возраста, его острую внешнюю характерность. Но, наверное, куда интересней и куда сложнее раскрыть то, что живет в человеке наперекор возрасту и старости, разглядеть неукротимую, невянующую силу чувств, восхититься энергией души, живостью памяти, весельем мысли...

И вот случилось так, что в первые дни работы над ролью Мамуре в квартире Елены Николаевны Гоголевой раздался телефонный звонок.

Незнакомая женщина сказала, что знает о готовящемся спектакле и хотела бы встретиться с актрисой по особой и, как ей представляется, серьезной причине.

— Очень прошу вас, не играйте, пожалуйста, Мамуре дряхлой старухой! — горячо произнесла незнакомка. — Пусть вас не смущают ее годы, иногда дело совсем не в них. Мне очень хочется познакомиться с вами с моей мамой. Ей 101 год, и когда вы ее увидите... Словом, пожалуйста, приходите к нам, мы вас будем ждать!

Она назвала свою фамилию, сказала адрес, и Елена Николаевна, заинтригованная неожиданным звонком, решила поехать к ней вместе с постановщиком пьесы «Мамуре» Борисом Александровичем Львовым-Анохиным, чтобы познакомиться со сверстницей своей будущей героини.

Их приветливо встретила хозяйка дома, усадила в удобные кресла, но актриса и режиссер все поглядывали на дверь, нетерпеливо ожидая, когда же появится главная «виновница событий». Наконец из другой комнаты к гостям вышла стройная худенькая старушка.

Хорошо причесанная, со вкусом одетая, она держалась со спокойным достоинством и непринужденностью. Завязался общий разговор. Старая дама охотно откликалась на любой вопрос, оживленно переходила от одного воспоминания к другому: то, что ее гостям казалось страницами далекой истории, для нее было событиями ее собственной жизни. Неожиданно и с видимым удовольствием она прочла наизусть по-французски монолог из трагедии Расина — выяснилось, что в прошлом она преподавала французский язык. Ее дочь, которая и сама была в немалых летах, предложила гостям кофе, расставила на столике рюмки для вермута. «А мне?» —

Татьяна ТЭСС

сказала старая дама, и ее глаза лукаво блеснули. Дочь послушно поставила рюмку и перед ней...

Как, из каких живых подробностей рождается у художника образ, как обретает достоверность, объем, зримую плоть? Вряд ли это прямой портрет с натурды, сделанный, что называется, «в упор». Но каждая зорко подмеченная черта, примета характера — все идет впрок, все важно и нужно, чтобы строчки пьесы, написанные другим человеком, постепенно стали твоими собственными словами, твоей болью и радостью, твоей судьбой. И когда на сцену вкатывают кресло с сидящей в нем Мамуре, ко всему, казалось бы, равнодушной, беспамятной старухой, когда неожиданно вспыхивает в ней жизнь, озорство, любопытство, властность, лукаво спрятанные ею за дряхлой оболочкой, когда «самая древняя французенка» с видимым удовольствием опрокидывает в рот рюмочку вина, невольно вспомнишь удивительную встречу актрисы со старой женщиной, так легко и мудро несущей груз прожитого ею века.

Встреч, подобных этой, у Гоголевой было немало, она всегда заинтересованно и серьезно искала в окружающей жизни тот душевный материал, который мог бы обогатить роль. Я услышала от нее рассказ и о совсем иной встрече, происшедшей много лет назад, и хочу пересказать его вам.

Готовя роль Надежды в пьесе Горького «Варвары», Гоголева решила познакомиться с Марией Федоровной Андреевой, близким другом Алексея Максимовича. Личность сильная и цельная, бывшая актриса Художественного театра, славящаяся когда-то и талантом, и красотой, Мария Федоровна ее радушно приняла. Она рассказывала о Горьком, о далеких годах, прожитых рядом с великим писателем, когда она была его помощницей и секретарем, и каждое ее слово, каждое воспоминание дышало такой безграничной, невянувшей любовью к Горькому, что Гоголева была потрясена. Она и слушала, и смотрела на сидящую перед ней Андрееву, запоминая выражение ее глаз, впитывая ее голос, интонации, чуть растянутую речь, легкое дыхание пауз... Встреча эта запомнилась на всю жизнь, а для художника ничто не проходит бесследно, всякое сильное впечатление оставляет в его душе незримую черту, скрытый, волшебный, негаснущий свет...

Надежда в «Варварах», Герцогиня Мальборо в «Стакане воды» Скриба, Юдифь в пьесе

Гуцкова «Уриэль Акоста», пьесы Островского, Грибоедова, Ибсена... Какие роли! Какие образы, требующие от актрисы крупности штриха, классически безупречного произношения, величественного владения речью, — всего, чем славится старая актерская школа, к какой она принадлежит. Как же соединились эти многими годами твердо прочерченные качества с легкой, воздушной комедийностью Мамуре, с весельем и азартом, какие зажглись в актрисе, когда она взялась за новую роль? Почему зрители так стремятся попасть на этот спектакль, с такой радостью и восхищением аплодируют Гоголевой?

Пусть простят меня искусствоведы, но прежде, чем говорить о профессиональной удаче, об актерской победе, хочется сказать о победе души. Ибо именно с душевных свойств актрисы, с самоотверженного трудолюбия, с подкупающей скромности и искренности, с молодого, безграничного интереса к новой задаче и началась эта большая и необычная работа.

ЛЕГКО ли зрелому, сложившемуся мастеру без оглядки ринуться в незнакомую область чувств? Легко ли сразу обрести общность понимания с режиссером, которого ранее в работе не знала, с Б. А. Львовым-Анохиным, впервые пришедшим в Малый театр? И как прекрасно, что все эти трудности отступили, расплавились в страстной горячей жажде трудиться, помогать друг другу, вместе искать, вместе радоваться и огорчаться...

Роль Мамуре — в центре пьесы, такой спектакль мог бы стать «бенефицисным», как бывает порой, когда на выигрышную роль одной актрисы как бы направлен луч прожектора, минуя других исполнителей, оставляя их в скромной тени. Но случилось совсем иное: мастерство Гоголевой, ее увлеченность работой не заслонила партнеров, а стали своего рода творческим магнитом, притягивающим других актеров к счастливому соучастию, к искреннему соревнованию, когда каждый стремится проявить себя наиболее полно и ярко.

Это и создало, очевидно, особую искрящуюся атмосферу всего спектакля. Отлично играет Антуана Е. Я. Весник, с большим тактом и умением пользуясь сочными, сильными красками. Как призрак, возникает и исчезает, словно унесенная ветром, Викторина, — свояченица Мамуре, неистовая в своей злости старуха, образ которой доведен В. А. Обуховой до гротескной остроты. Рядом с шумной предприимчивостью внуков, какими их играют А. М. Торопов и В. А. Сафронов, негромко и

отрешенно звучат голоса дочери и сына Мамуре (Г. А. Егорова и К. М. Мякишева), двух старых людей с их одиночеством и душевной неустроенностью. Внутри пестрого хоровода многочисленной семьи Муре режиссер сумел высветить каждый характер, каждую судьбу — даже самые маленькие эпизодические роли объемом выплены в спектакле. Поэтому остается в памяти безмолвная клоуесса, (Л. В. Гайликовская), ее лицо, словно сошедшее с рисунка Тулуз-Лотрека, поэтому запомнится и маленькая наездница бродячего цирка (Л. Н. Щербина), вдруг с отработанной грацией прошедшая по сцене на пуантах. Интересный и неожиданный образ Франкера создал В. М. Соломин.

Весь этот человеческий kaleidoscope вертится вокруг Мамуре, непостижимой старухи, которую волшебным маняет пробудившаяся внутренняя сила, и Гоголева чутко улавливает все сложные переходы ее душевного состояния. Невнятный старческий шепот, сонный, безразличный взгляд, — куда все это делось? Мамуре выпрямляется, с усилием разгибая старый, но крепкий, как сталь, костяк, на увядшем лице вспыхивают глаза, полные такого зоркого жгучего блеска, что только ахнешь! Она готова к бою, в котором хитро обойдет любых ловких противников, и кажется, что Гоголева сама с наслаждением вглядывается в свою героиню, радуясь ее уму, пронизательности, юмору, красоте. И когда актриса срывает со своей головы старушечий чепец и ее седые длинные волосы покрывают ее плечи, словно струящийся плащ, по зрительному залу проходит шест восхищенного изумления...

В веселой комедии Жана Сармана заложена серьезная человеческая тема, и Гоголева сумела ее раскрыть. Сила, проснувшаяся в Мамуре, была разбужена ее страстной жаждой добиться для юного существа того счастья, которого сама она была в молодости лишена. За это счастье она идет в бой, готовая к борьбе до последнего вздоха, а этот предельный, легкий, отлетающий вздох так недалеко от древней, как век, Мамуре, и так для нее не страшен...

И когда выигран бой и закончен спектакль, когда Елена Николаевна Гоголева, усталая и счастливая, стоит на сцене, зрители бурными аплодисментами благодарят ее не только за блистательную игру.

Они благодарят актрису и за победу души, за молодую увлеченность работой, за долгие годы большой, чистой, благородно прожитой на сцене жизни.